

Б.Х.КАРМЫШЕВА

**От тропических лесов Амазонки
до центральноазиатских степей:
жизненный путь Ф.А.Фиельструпа**

Этнографа Федора Артуровича Фиельструпа с полным основанием можно отнести к числу тех счастливых людей, кто еще в юности находит свое призвание и в течение всей отпущенной ему жизни следует по избранному пути. Только, увы, зрелая пора его жизни пришлось на жестокое время сталинских репрессий, прервавших реализацию его творческих научных устремлений. Архив Ф.А.Фиельструпа хранился у его жены, известного этнографа, исследователя народов Средней Азии, Елены Михайловны Пещеревой (1897—1985)¹ и ею был передан в архив Института этнографии АН СССР. Сведения о Ф.А.Фиельструпе биографического характера были записаны от Е.М.Пещеревой автором данного сообщения и Ф.Д.Люшкевич. На основе этих записей, а также знакомства с архивом Ф.А.Фиельструпа еще при жизни Е.М.Пещеревой мною была опубликована статья о полевых исследованиях Ф.А.Фиельструпа в Казахстане и Средней Азии и там же сообщены о нем краткие сведения биографического характера².

Федор Артурович Фиельструп родился 19 января 1889 г. в Петербурге, на Васильевском острове. Рос он и учился в разноязычной среде, рано начал путешествовать по дальним странам, поэтому неудивительно, что увлекся этнографией. Отец его, датчанин Артур-Фредерик Фиельструп, родившийся в 1856 г. в Копенгагене и там же получивший образование, после окончания технического института приехал в Россию, в Петербург. Начал он работать в Большом телеграфном обществе в должности старшего механика. По долгу службы был командирован на срок более года в штат Тифлисского телеграфного округа для ремонта кабеля, проложенного через Каспийское море. В 1890 г. он принял подданство России (в архиве Ф.А.Фиельструпа сохранился документ о принятии присяги как отцом, так и им самим). Отец после этого проработал всего восемь лет: в 1898 г. он был уволен по болезни и вскоре умер в возрасте сорока двух лет.

Мать Федора Артуровича, Флоренция Мэри Фиельструп (англичанка, до замужества Флоренция Стерн), оставшись с двумя сыновьями, Эмилем и Теодором (Федором), без средств к существованию, начала давать уроки английского языка и вскоре стала считаться одним из лучших преподавателей этого языка в Петербурге, в частности у нее обучались будущий академик П.Л.Капица и его старший брат Л.Л.Капица. Благодаря этой работе мать сумела вырастить сыновей и дать им образование. Рано начали зарабатывать и сыновья. Федор, еще будучи гимназистом, давал частные уроки английского языка, которым с детства владел в совершенстве. Однажды мать устроила его на время летних каникул в семью русского посла в Болгарии, чтобы дети последнего совершенствовались в английском языке. В студенческие годы Федор Артурович занимался переводческой работой, в частности, его как переводчика приглашали в английское посольство в Петербурге во время приемов, когда штатных переводчиков не хватало. По словам Е.М.Пещеревой, он был желанным участником этих вечеров еще потому, что прекрасно танцевал.

В качестве переводчика Фиельструп еще в юности совершил два интересных путешествия с американскими учеными в 1912—1913 гг.: на Кавказ с ботаником Миллером, изучавшим масличные растения с целью разведения их в Америке, и с антропологом, куратором вашингтонского Национального музея, А.Хрдличкой в Монголию. От последней поездки в архиве Фиельструпа сохранились фотоснимки, присланные Хрдличкой.

Оба брата окончили коммерческое училище. Старший избрал себе деятельность по коммерческой части, а младший, Федор, в 1908 г. поступил в Петербургский университет. Сначала он подал заявление на факультет восточных языков, но затем в том же году он перешел на романо-германское отделение историко-филологического факультета. Именно в годы учебы в Университете под воздействием лекций проф. Л.Я.Штернберга по антропологии и этнографии (он читал эти курсы студентам в географическом кружке при Петербургском университете) и созрело у Фиельструпа решение посвятить себя этнографии. Закончил он Университет в 1916 г.

Пребывание Ф.А.Фиельструпа в университете затянулось в связи с тем, что он в числе пятерых молодых ученых в апреле 1914 г. отправился в Южную Америку изучать индейские племена и природу тропических лесов. В экспедиции участвовали также лингвист-этнограф Г.Г.Манизер, экономист С.В.Гейман, зоологи И.Д.Стрельников и Н.П.Танасийчук. В организации экспедиции принимали участие петроградские академические музеи: Музей антропологии и этнографии и Зоологический музей, а

также Русское антропологическое общество при Петроградском университете, антропологический отдел ОЛЕАЭ при Московском университете и частные лица. Как справедливо отметила Н.А.Смирнова, «несмотря на большой интерес к предполагавшейся экспедиции, материальная база ее была незначительна»³. По этой причине предполагалось вернуться через семь-восемь месяцев, но в связи с начавшейся первой мировой войной участники экспедиции вернулись в Россию спустя полтора года — осенью 1915 г.

Эта вынужденная задержка дала возможность расширить круг исследований, в частности продолжить этнографическое изучение индейских племен Бразилии (кадиуэо, терена, шавантов и каингангов), проводившееся Фиельструпом и Манизером. Обзор накопленных ими материалов и коллекций содержится в статье Н.А.Смирновой, которая пришла к следующим выводам: «Итак, несмотря на крайне ограниченные денежные средства и трудности самого путешествия, чуть не стоившего жизни двум его участникам [Манизеру и Фиельструпу во время шквала и крушения лодки на (реке. — Б.К.) Парагвае], благодаря энтузиазму и беспредельной преданности науке молодых исследователей были собраны ценные материалы. Наличие антропологических, лингвистических и фольклорных материалов наряду с этнографическими — свидетельство комплексности изучения, понимания необходимости координации ряда наук в процессе исследования»⁴.

Однако оставшихся средств хватало только для одного исследователя. По жребию Манизер продолжил исследования, а Фиельструп был вынужден вернуться в Буэнос-Айрес, где ему на помощь пришел проф. Х.Амбросетти, постоянно опекавший русских студентов: он предоставил возможность Ф.А.Фиельструпу совершить морское путешествие на аргентинском военном учебном фрегате вдоль берегов Южной Америки с заходом в некоторые порты США, а затем обратно в Рио-де-Жанейро.

Фиельструп писал Л.Я.Штернбергу: «...в общем это скорее предлог, чтобы дать мне возможность не даром терять здесь время»⁵. Молодой ученый интересовался раскопками на Огненной Земле и в Перу, а также стремился установить связи с музеями и учеными других стран Латинской Америки. Всюду, где судно останавливалось, Фиельструп собирал этнографический материал. Во время длительной стоянки побывал в Лиме, осмотрел развалины древних городов Кахамаркилья и Пачакамак, произвел здесь небольшие раскопки. Уже по возвращении в Россию Фиельструп послал в Буэнос-Айрес проф. Амбросетти составленный по-английски подробный отчет об этом плавании, длившемся восемь месяцев, сопроводив его благодарственным письмом⁶. За

время этого длительного плавания он освоил испанский язык, постоянно общаясь с командой корабля.

Результаты студенческой экспедиции были доложены 13 мая 1916 г. в Отделении этнографии РГО. Г.Г.Манизер, Ф.А.Фиельструп и И.Д.Стрельников были награждены малыми серебряными медалями Общества. Представляя их к награде, Л.Я.Штернберг отмечал, что «в их лице русская этнофафия найдет в будущем ревностных и серьезных исследователей»⁷.

Сын участника экспедиции, зоолога Николая Парфентьевича Танасийчука, с грустью писал пятьдесят с лишним лет спустя: «Результаты полугодовой "экскурсии" петроградских студентов были очень значительны. Со времен путешествия академика Лангсдорфа в начале прошлого века это была первая и до настоящего времени единственная русская научная экспедиция, доставившая столь богатый и разнообразный зоологический, этнографический и ботанический материал, охвативший малоисследованные области Бразилии, Аргентины, Парагвая и Боливии. Коллекции были переданы в научные учреждения Петрограда и Москвы. В первые послереволюционные годы при деятельном участии Стрельникова, Танасийчука и Фиельструпа было организовано "Общество изучения Южной Америки" и разработаны планы организации большой советской экспедиции в тропическую Америку. Для этой экспедиции даже было выделено судно — одна из царских яхт. Но в те трудные годы такая экспедиция, конечно, не могла осуществиться. Материалы экспедиции 1914—1915 годов так и не были опубликованы полностью — опубликовано было только несколько статей этнографического характера. Достаточно полных сводок о работе и результатах экспедиции так и не появилось»⁸.

Сказанное В.Н.Танасийчуком в полной мере относится к материалам, собранным Фиельструпом. Его научное наследие, связанное с южноамериканской экспедицией, довольно значительно, но изучено еще недостаточно, опубликована лишь небольшая его часть. Это статья о шавантах (без имени автора)⁹, несколько писем из Южной Америки¹⁰, очерки о Буэнос-Айресе и северо-востоке Бразилии¹¹, а также фрагменты путевого дневника, касающиеся Аргентины и Чили¹².

После окончания Университета в 1916 г. Ф.А.Фиельструп был принят на работу в МАЭ.

Вскоре после Октябрьской революции Российская Академия наук была привлечена к решению срочных задач государственного строительства. Уже в 1917 г. при Российской Академии наук была создана Комиссия по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран — КИПС, а с 1925 г.

она стала называться Комиссией по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран Академии наук СССР. Материалы этой Комиссии должны были послужить основой для проведения национального размежевания нового советского государства. Одним из активных членов этой Комиссии был Сергей Иванович Руденко (1885—1969), выдающийся этнограф и впоследствии известный археолог, знавший Фиельструпа со студенческих лет. С.И.Руденко окончил Петербургский университет на год раньше Ф.А.Фиельструпа.

В 1918 г. Руденко предложил Фиельструпу включиться в работу КИПСа, чтобы, объездив Приуралье, а затем и ряд других областей, как можно точнее определить этнический состав населения и расселение каждого этноса и его подразделений на этой обширной территории. Оба они прекрасно осознавали, какая ответственность лежит на них. Источником для их исследований служили статистические данные, поступающие с мест в административные органы. Чтобы проконсультировать работников на местах и убедиться в достоверности отдельных сведений, нередко приходилось объезжать многие районы.

Согласно официальным документам, сохранившимся в личном архиве Ф.А.Фиельструпа, в КИПС он был зачислен 1 августа 1921 г. В то же время в рекомендательном письме Руденко пишет, что Фиельструп работает там с 1918 г.¹³. Видимо, тогда он был внештатным сотрудником, привлеченным для участия в экспедиционных исследованиях по линии КИПСа, в частности для работы в Приуралье.

Достоверность его работы в КИПСе начиная с 1918 г. подтверждает и его дневник. На титульном листе общей тетради карандашом написано самим Фиельструпом: «Дневник. Пребывание на Няшевском кордоне на Миассовом озере, 1918 год» и затем проведена карандашом разделительная линия и под чертой написано: «На Миассовом кордоне. 1919 год». Именно здесь, на Южном Урале, у Миассова озера, на Няшевском кордоне Руденко и Фиельструп основали базу, где Ф.А.Фиельструп работал над картой этнического состава населения обширных областей Приуралья, и именно здесь он написал свою первую отдельно изданную работу «Этнический состав населения Приуралья»¹⁴. Фиельструп изредка покидал кордон только ради добывания или уточнения полученных в районных и областных центрах статистических данных. Время от времени заезжал на кордон поработать и Руденко после очередных объездов остальных сотрудников, работавших в других районах. Руденко, детство и юношеские годы которого прошли в Приуралье, знал и любил эти края¹⁵.

В первый год Руденко и Фиельструп занимали избу, а на следующий построили себе небольшой дом, завели огород, посадили яблони, подружились с местными жителями. С.И.Руденко приходилось постоянно бывать в разъездах, поскольку он курировал работу сотрудников и в других регионах. Оба они очень любили этот тихий уголок на берегу Миассова озера, и позже, много лет спустя, при малейшей возможности они навещали свою уютную усадьбу.

В 1920 г. Руденко и Фиельструп обосновались в Томске. Как и прежде, Фиельструп изучал материалы, доставленные Руденко со всех районов Томской области, и составлял карты этнического состава населения этого обширного края. Кроме того, Фиельструп в местном университете читал курс географии. А университет на время летних каникул организовал для студентов Минусинско-Абаканскую экспедицию, в работе которой участвовали и Фиельструп, и Руденко.

В личном архиве Фиельструпа сохранились две толстые тетради: «Дневник. Лето 1920 г. Минусинский и Ачинский уезды Енисейской губернии» и «Записки лета 1920 г. Минусинские татары». Дневник начат 1 июня, в день выезда экспедиции из Томска, и завершен 27 сентября, в день возвращения в Томск. В нем содержатся не только события дня, но и ценные этнографические и археологические материалы. Этнографические материалы этой поездки были частично использованы Фиельструпом в середине 20-х годов при написании двух работ обобщающего характера: о свадебном жилище тюркских народов и о молочных продуктах тюрков-кочевников¹⁶, а фольклорные были опубликованы в соавторстве с С.Е.Маловым¹⁷, который, по свидетельству Е.М.Пещеревой, относился к ее супругу с большой симпатией.

Вернувшись в Томск, Фиельструп продолжил чтение лекций в университете и одновременно изучал свои полевые записи, сделанные в последней экспедиции. Он надеялся на следующий год еще раз побывать у хакасов и только после этого вернуться домой. Тем более что кругом полыхала гражданская война, и не было уверенности в том, что если даже удастся добраться до Петрограда, то на следующий год будет возможность оттуда снова поехать к хакасам.

Но вскоре в Томске Фиельструпа постигла беда: по выражению его жены, этнографа Е.М.Пещеревой, Фиельструп «попал под Колчака». Поскольку Фиельструп уже довольно длительное время находился в Томске, то состоял там на учете в военкомате. Когда Колчак занял Томск, Фиельструпа вызвали в военкомат и приставили в качестве переводчика к французскому генералу.

присланному Антантой в помощь Колчаку. Генерал оказался человеком очень спесивым и неприятным. Фиельструп всю сибирскую зиму проходил в солдатской шинели и очень мерз. Когда Колчак отступил в Иркутск, Фиельструпу удалось остаться в Томске и он продолжил преподавание в университете, а затем при первой возможности вернулся в Петроград.

В ноябре 1921 г. Руденко, будучи хранителем Этнографического отдела Русского музея (ныне Российский этнографический музей), рекомендовал Совету этого отдела пригласить Ф.А.Фиельструпа на «должность аспиранта», свидетельствуя его «достаточную эрудицию в этнологических вопросах и опытность в исследовательской работе». Руденко, в частности, отметил участие Фиельструпа в студенческие годы в экспедициях в Южную Америку, в Монголию и на Кавказ, а позже — в Приуралье и в Минусинский край. В своем рекомендательном письме в Совет Этнографического отдела Русского музея С.И.Руденко отметил участие Фиельструпа в Минусинско-Абаканской экспедиции Томского университета, «где тот и занимался главным образом изучением быта минусинских инородцев, а в настоящее время, состоя сотрудником Комиссии по изучению племенного состава населения России при Академии наук, находится в командировке в Киргизском крае, где занимается изучением быта киргиз»¹⁸.

В эти же годы в Русском музее наряду с С.И.Руденко работал палеоантрополог Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский, одноклассник и друг Фиельструпа по Университету. В 1923 г., ведя раскопки в Крыму в знаменитом гроте Киик-Коба¹⁹, он тяжело заболел и просил Фиельструпа приехать в Крым, чтобы приобрести для Русского музея предметы быта крымских татар. Фиельструп откликнулся на просьбу друга и, отложив на время свои материалы, приехал в Крым и пробыл там целых четыре месяца (30 июня — 30 октября). Во время исследований он особое внимание уделил коренному населению горной зоны, тогда еще почти неизученному. Для Русского музея Фиельструп подобрал богатую коллекцию предметов быта крымских татар. Особенно он был доволен покупкой двухколесной арбы и не без трудностей перевез ее по железной дороге в Петроград.

Во время пребывания Фиельструпа в Крыму очень обострилась болезнь Бонч-Осмоловского в результате длительного пребывания в сырой и холодной пещере, где он обнаружил скелет стопы и голени ископаемого человека эпохи нижнего палеолита. Он просил Фиельструпа продолжить некоторое время раскопки в пещере, так как труд рабочих был оплачен на несколько дней вперед. Когда Бонч-Осмоловский поправился,

Фиельstrup продолжил приобретение вещей как для Русского музея, так и для Центрального музея Тавриды по просьбе его сотрудников. Большое значение Фиельstrup придавал описанию коллекций, что свидетельствует о присущем ему чувстве ответственности.

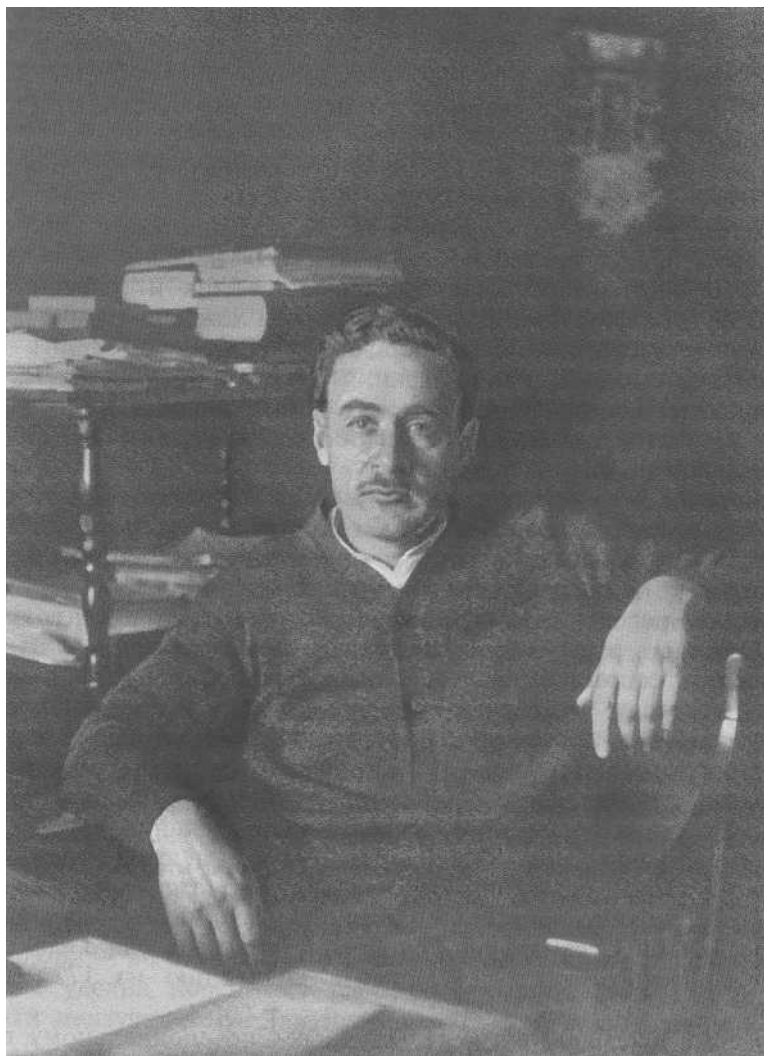
Работа Фиельструпа в КИПСе и Русском музее, продолжавшаяся полтора десятилетия (1918—1933), оставила заметный след в изучении этнического состава, а также традиционного хозяйства и быта преимущественно тюркоязычных народов, особенно казахов и киргизов. Страстный путешественник и увлеченный этнограф, Фиельstrup за этот период почти каждый год выезжал на полевые исследования (в составе экспедиций или один). Во время поездок он выполнял задания КИПСа, приобретал вещи для пополнения коллекций Русского музея, а также изучал хозяйство и быт населения путем непосредственных наблюдений, расспросов и фотографирования.

Сочетание этих трех направлений в работе обеспечивало основательность его исследований. Выполняя поручения КИПСа, он досконально изучал на местах (в уездных и волостных центрах, а также непосредственно в кочевьях и кишлаках) этнический состав населения, вникая во все неясные и спорные вопросы. Сложность этой работы состояла в том, что при изучении этнического состава было необходимо фиксировать и родо-племенной состав, и расселение отдельных племен и родов. Приобретая музейные коллекции, он изучал традиционные занятия населения, его материальную и духовную культуру. Фиксируя отдельные детали каждого предмета, стремился выяснить не только его утилитарное, но и символическое значение.

Примечательно, что Фиельstrup во время своих поездок нередко добывал коллекции и для среднеазиатских музеев, в частности ташкентского и бишкекского. Так, в 1925 г. во время поездки на Сусамыр он приобрел у киргизов для Главного Среднеазиатского музея в Ташкенте коллекцию из 172 предметов²⁰.

Полевые исследования Фиельstrup вел по специальному вопроснику, составленному им самим. Вопросник охватывал все стороны традиционного хозяйства и быта. Некоторые темы, связанные с кочевым скотоводством и семейными обрядами, его интересовали особо, и он изучал их углубленно. В результате он накопил сопоставимые материалы, чтобы разработать их в сравнительно-историческом аспекте. Успел же опубликовать только две такие статьи: о свадебном жилище тюркских народов и о молочных продуктах²¹.

Излюбленной темой исследователя было скотоводство, особенно его трансформация в связи с начавшимся оседанием. Этой

Ф. А. Фиельstrup в последние годы жизни

проблеме посвящена одна из его лучших работ — «Скотоводство и кочевание в части степей Западного Казахстана»²².

Интересовали Фиельструпа и вопросы, относившиеся к жизненному циклу, — обрядам и обычаям, связанным с началом и концом человеческой жизни, а также с вступлением в брак. Не

остались вне поля его зрения и проблемы этногенеза, социальной организации, фольклор и многие другие компоненты духовной культуры.

Взятые в целом, киргизские материалы Фиельструп представляют исключительную научную ценность, так как он был одним из первых специалистов-этнографов, изучавших киргизов Центрального Тянь-Шаня еще в те годы, когда их хозяйство и быт в значительной степени сохраняли традиционные особенности. Ценность его киргизских материалов еще более возрастает в связи с тем, что они содержат много таких деталей, которые может заметить далеко не каждый исследователь. Те же черты характерны и для его материалов по казахам.

Последней экспедицией Фиельструпа была поездка вместе с А.Н.Генко в 1933 г. на Кавказ к цахурам и рутульцам, живущим в Южном Дагестане и Северном Азербайджане. Эта поездка, видимо, привлекла Фиельструпа тем, что основным занятием цахуров и рутульцев было овцеводство. Основной целью поездки было приобретение коллекций для Русского музея²³. По Кавказу только эта группа не была представлена в музее.

30-е годы были, как известно, особо тяжкими для народов СССР, особенно для крестьянства (раскулачивание, коллективизация, насильственные переселения с родных мест в другие области) и для интеллигенции (разоблачения «врагов народа», репрессии). Под маховик репрессий попали как скромные музейные работники (С.И.Руденко, Ф.А.Фиельструп, Г.А.Бонч-Осмоловский, М.П.Грязнов и многие другие), так и выдающиеся ученые с мировым именем (А.Н.Самойлович, Е.Д.Поливанов и др.).

Ф.А.Фиельструп к концу 1933 г. переписал все свои полевые записи по киргизам и наконец приступил к работе над монографией, о чем он так мечтал. Как рассказывала Елена Михайловна, он был рад и воодушевлен и в то же время оба они не могли унять тревогу. Елена Михайловна вспоминала: Федор Артурович дома, в уютной комнате, сидел за своим письменным столом, разложив в нужном порядке свои полевые записи, а Елена Михайловна сидела напротив и была счастлива, что наступил долгожданный день. Но, увы, таких дней оказалось немного. Вскоре, 26 ноября 1933 г., явились ночью на «черном вороне» и увезли Фиельструпа. От тех трагических дней сохранилась до сих пор не опубликованная большая статья «Охота с ловчими птицами у киргизов и казахов», которую исследователь, по-видимому, не успел считать после перепечатки.

Через несколько дней Елена Михайловна, взяв очередную передачу, отправилась в дом, местонахождение которого, увы, уже знали многие. В невзрачной комнате, простояв некоторое время

в очереди, подошла к маленькому окошечку. Когда дошла очередь, ей сказали, чтобы она немного подождала. Вскоре к окошку подошел врач и сообщил, что Фиельструп во время ночного допроса попросил пить. Ему в кружку налили кипяток из только что принесенного чайника, он выпил, обжег горло, задохнулся и тут же скончался. Ей сказали, что Фиельструп находится в морге на обследовании и, чтобы забрать его, нужно прийти через столько-то дней²⁴.

Елена Михайловна шла по Невскому проспекту, ничего не видя, ничего не слыша. Когда шла по Дворцовому мосту, хотела кинуться в Неву, но вспомнила старую мать, которая жила в Ташкенте и у которой, кроме Елены Михайловны, уже никого не было, а переехать к дочери она не хотела, не желая оставить без присмотра родные могилы. Елена Михайловна больше в тот страшный дом не пошла.

С тех пор она не открывала ни сундучок из красного дерева с личным архивом мужа, ни чемодан с его полевыми материалами. И в архив их не стала сдавать, опасаясь, что материалы могут использоваться без ссылки на автора, поскольку он репрессирован. И только много лет спустя, когда Фиельструп был реабилитирован, она передала его материалы в архив Института этнографии АН СССР в Москве, и ныне эти материалы готовятся к изданию²⁵.

Содержащиеся в архиве Фиельструпа материалы — неисчерпаемый источник не только для этнографов, но и для фольклористов, ономастов и лексикологов. Публикация их заполнит многие лакуны в наших знаниях по традиционной культуре киргизов, казахов и ряда других тюркоязычных народов. Настоящее место Федора Артуровича Фиельструпа в науке будет определено лишь после введения в научный оборот его материалов.

¹ О Е. М. Пещеревой и ее трудах см.: *Лукин Б. В.* Биобиблиографические очерки о деятелях общественных наук Узбекистана. II. Ташкент, 1977, с. 23—25; *Милибанд С. Д.* Биобиблиографический словарь отечественных востоковедов с 1917 г. Кн. 2. М., 1995, с. 232—233; *Синицина Л.* Татабаррук. — Звезды смотрят вниз. Душанбе, 1986, с. 1—175.

² *Кармышева Б. Х.* Этнографическое изучение народов Средней Азии и Казахстана в 1920-е годы (Полевые исследования Ф. А. Фиельструпа). — ОИРЭФА. Вып. 10. М., 1988, с. 38—62.

³ *Смирнова Н. А.* Вторая русская экспедиция в Южную Америку 1914—1915 гг., ее материалы и коллекции. — СЭ. 1966, № 6, с. 98.

⁴ Там же, с. 112.

⁵ *Лукин Б. В.* Из материалов русской научной экспедиции 1914—1915 гг. в Южную Америку. — Латинская Америка. 1977, № 1, с. 169.

⁶ *Танасийчук В. Н.* Русские студенты в Южной Америке. — Наука и жизнь. 1966, № 1, с. 123; *Лукин Б. В.* Хуан Амбросетти и его связи с русскими этнографами (К столетию со дня рождения). — СЭ. 1965, № 4, с. 135.

⁷ Лукин Б. В. Из материалов..., с. 185, 186.

⁸ Танасийчук В. Н. Русские студенты..., с. 125.

⁹ Шпринцин Н. Г. Шаванты (Из материалов русской экспедиции в Южную Америку). — КСИЭ. 1952. Вып. 17, с. 47—55.

¹⁰ Лукин Б. В. Из материалов..., с. 168—169, 175—176, 178—179.

¹¹ Буэнос-Айрес, начало века (Записки путешественника). — Латинская Америка. 1992, № 7/8, с. 119—125; По северо-востоку Бразилии (Записки путешественника). — Там же. 1993, № 3, с. 110—116. В обоих случаях введение, подготовка текста и коммент. А. Д. Дридзо.

¹² Дридзо А. Д. Аргентина и Чили в путевом дневнике Ф. А. Фиельструпа. — Курьер Петровской Кунсткамеры. СПб., 1996. Вып. 4/5, с. 262—275.

¹³ Докладная записка С. И. Руденко хранится в личном деле Ф. А. Фиельструпа в Архиве РЭМ (ф. 2, оп. 3, д. 286).

¹⁴ Фиельструп Ф. А. Этнический состав населения Приуралья. С этнографической картой и дополнениями к ней. — Труды Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран АН СССР. Т. 2. Л., 1926.

¹⁵ О С. И. Руденко см.: Бикбулатов Н. В. Руденко и башкирская этнография. — Археология и этнография. V. Уфа, 1973, с. 9—16.

¹⁶ Фиельструп Ф. А. Свадебные жилища турецких народностей. — Материалы по этнографии. Л., 1926. Т. 3. Вып. 1, с. 111—122 (изд. Государственного Русского музея); *он же*. Молочные продукты туркок-кочевников. — Казаки (казахи. — Б. К.). Сборник статей антропологического отряда Казакстанской экспедиции АН СССР. Исследование 1927 г. (Материалы комиссии экспедиционных исследований. Вып. 15). М., 1930, с. 263—301.

¹⁷ Малов С. Е., Фиельструп Ф. А. К изучению турецких абаканских наречий. — Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской академии наук. Л., 1928. Т. 3. Вып. 2, с. 289—304.

¹⁸ См. примеч. 13.

¹⁹ Бонн-Осмоловский Г. А. Скелет стопы и голени ископаемого человека из грота Киик-Коба. — Палеолит Крыма. Вып. 3. Ред. и доп. В. В. Бунака. М. — Л., 1954.

²⁰ Миронов А. М. Организационная, научная и практическая деятельность Средазкомстариса (бывшего Турккомстариса) за пятилетие его существования. — Известия Среднеазиатского комитета по делам музеев, охраны памятников старины, искусства и природы (Средазкомстарис). Вып. 1. Таш., 1926, с. 30.

²¹ См. примеч. 16.

²² Фиельструп Ф. А. Скотоводство и кочевание в части степей Западного Казакстана. — Казаки. Антропологические очерки. Л., 1927, с. 78—107. См. также его заметку о «черном кумысе»: Фиельструп Ф. А. Каракосмос Рубрука. — Этнография. 1926, № 1/2, с. 259—261.

²³ См. об этом: Кармышева Б. Х. Этнографическое изучение..., с. 57—58.

²⁴ Ф. А. Фиельструп был арестован по так называемому делу Российской национальной партии, иногда также именуемому «делом славистов»*. Как видно из материалов следственного дела, хранящегося в архивах КГБ, Фиельструп умер 7 декабря 1933 г. мучительной смертью: не предупрежденный охраной, он выпил крутого кипятку, обжег ротовую полость и гортань и в шоковом состоянии задохнулся. Историки, изучавшие «дело славистов», задаются вопросом, было ли это несчастным случаем, происшедшим по халатности охранников, или самоубийством. Реабилитирован Фиельструп 8 мая 1958 г. См.: Ашин Ф. Д., Алпатов В. М. «Дело славистов»: 30-е годы. М., 1994, с. 40, 86, 206.

²⁵ Часть личного архива Фиельструпа, касающаяся экспедиции в Южную Америку, хранится в Архиве МАЭ.

* Подробнее см. с. 265—268 данной книги (примеч. ред.).